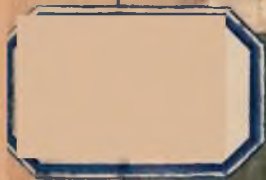

Мартарида Алигер

Лирика

Молодая Гвардия
1943

Маргарита АЛИГЕР

Л И Р И К А

**Издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943**

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Русская песня	3
Бойцу	4
Летчики	5
Кровь	6
Выздоровление	8
Чужое горе	9
Калуга	11
Весна в Ленинграде	12

МУЗЫКА

Из казанской тетради	17
Музыка	22
Прощание (лирический дневник)	25

ПОБЕДИТЕЛИ

Россия	35
Хозяйка	36
Победитель	38
Русский летчик	39
Ясный денек	41
Атака	42
Ночь в разведке	43
Наступление	44
Освобождение	45
Полет	46

Редактор *Б. Евгеньев*

Л40168. Подписано к печати 21. VI. 1943, 1^{1/2} п.л. л.^н 50 000 эк.
в п. л. 2,3 уч.-изд. л. Тираж 25 000. Зак. 692. Цена 1 р. 50 к.

Ф-ка юнш. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 4^а.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Величавым руслом прямо в Волгу
шла другая русская река.
Над ее просторами подолгу
северные стлы облака.
Путь многовековой совершая,
на ладонях синих сильных вод
бережно несла река большая
белый пассажирский пароход.
А на пароходе плыли люди,
что оставили жену и мать
для того, чтоб выйти в бой и грудь
за родную реку постоять.
Тихим вечером они запели
в лад неторопящейся реке,
не спеша,
        что знали,
                как умели,
на спокойном русском языке.
И о чем таком в той песне пелось,
рассказать, пожалуй, и нельзя.
Понимать ту песню не хотелось.
Слушали ее, закрыв глаза.
Как в реке навеки отражалась
сторона родная, дом и дым,
так и эта песня начиналась
и кончалась близким и родным.
Было в ней великое значенье:
черный враг вовек не повернет
русских рек могучее течение,
русских песен соколиный взлет.
Наступила грозная година, —
только наших сил врагам не счесть.

И, соединившись воедино,
 наша гордость,
                     благородство,
                                     честь,
 музыка, поэзия, природа —
 все, чем нам отчизна дорога,
 в доброй воле русского народа
 двигалась рекою на врага.

Сентябрь 1941 г.

войцу

Как бы ни была родина велика,
 помни, где ты родился и рос,
 как текла, извиваясь, родная река
 мимо ласковых, тихих берез.

Вспомни русскую песню какую-нибудь,
 что певали и бабушка и мать,
 от которой теплом наполняется грудь
 и становится легче дышать.

Вспомни дом, что окошками зорко глядел
 на поля, на луга, на сады,
 где состарилась мать, где отец поседел,
 подрастающим сыном горды.

Неужели тебе на скамью не присесть
 у порога в отцовский дом?
 Понимаешь, ведь это как раз и есть
 то, что родиной мы зовем.

Вспомни школьное старенькое крыльцо,
 стайку шумных ребят у дверей
 и какое спокойное было лицо
 у учительницы твоей.

Вспомни низкую парту, и доску, и класс,
 все, что было услышано тут.

Понимаешь, ведь это и есть как раз то, что родиною зовут.

Вспомни лавочку ту, вспомни рощицу ту,
где впервые ты милую ждал.
Загорелую, в ситцевом платье мечту
в первый раз ты тогда целовал.

Неужели волос ее, губ и глаз
ты на свете уже не найдешь?
Понимаешь, ведь это и есть как раз то,
что родиной ты зовешь.

А врагу твоему это все нипочем.
Ненавидит он счастье твое.
Если родину ты не закроешь плечом,
он сожжет и растопчет ее.

Ты лишишься родимого крова навек,
не найдешь ни родных, ни друзей.
Потерявший родину человек —
ничего нет на свете страшней.

Пусть ни разу не дрогнет твоя рука,
и да будет дорога твоя легка,
человек, осененный лучом штыка,
вспомни все, что навеки любимо тобой,
перед тем, как выходишь на бой.

Ноябрь 1941 г.

ЛЕТЧИКИ

Неуклюжих машин создатель,
зачинатель великих идей,
как он думал, далекий мечтатель,
о породе крылатых людей?

Мастерящий тяжелые крылья,
если б знал он, смешной фантазер,
что далекие внуки открыли
птичью волю таящий мотор,

что в простом сочетании линий
полированных плоскостей
серебристый таит алюминий
легкость плавную птичьих костей.

Если б он увидел смуглолицых
побывавших на всех небесах,
с уголочками неба в петлицах
и всегда с ветерком в волосах,

как, врагу ничего не прощая,
встав за правду, за мир, за людей,
жизнью, кровью, душой защищая
каждый камень отчизны своей,

на отчаянный подвиг выходят,
как на скромный и будничны́й труд
Если б он услышал, как в народе
имена их простые живут...

Вдохновенный прилив непокая
он, наверно бы, вновь ощутил,
гордый тем, что когда-то такое
крылья первые он мастерил.

КРОВЬ

Товарищ,
я тебя не знаю,
но в этот незабвенный час,
любовь и боль соединяя,
большая дружба свяжет нас.

Под общим солнцем,
общим небом
росли и крепи мы с тобой,
вскормленные советским хлебом,
родной вспоенные водой.

Года над нами прошумели,
и вот мы дожили до дня,
когда, стянув ремни шинели,
ты вышел защищать меня,

мой мир, мой дом, мою работу,
мои надежды и мечты.
Моим врагам платить по счету,
разгневанный, поднялся ты.

Я сердцем знала, сердцем знала
судьбу достойную твою.
Я стон твой тяжкий услышала,
когда ты ранен был в бою.

Свалился ты, изнемогая.
Вокруг тебя гудела ночь.
А я пути к тебе не знаю
и не могу тебе помочь.

Тебя к палатке лазарета
мне на руках не донести.
Родной мой, я не знаю, где ты,
и не могу тебя спасти.

Но, вдохновленная любовью,
высоким подвигом твоим,
я поделюсь с тобою кровью,
моим богатством молодым.

Пускай в твои вольются жилы,
чтоб делу нашему служить,
мои тревоги, чувства, силы,
мое желанье вечно жить.

И вместе с возвращеньем к жизни
я передать тебе смогу
всю преданность мою отчизне,
всю ненависть мою к врагу.

Вернешься ты на поле чести,
пойдешь героем в новый бой,
и будем мы сражаться
вместе, —
ведь кровь моя пойдет с тобой.

Июль 1941 г.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Прижав халат,
он вышел на балкон
военного большого лазарета
и сразу пошатнулся, оглушен
гуденьем, звоном, музыкою лета.
Оно кончалось, впрочем.

Или нет?

Не может быть!

Еще жара стояла.
Он жадно вглядывался в этот желтый свет,
такой большой, что глаз казалось мало.
Глядеть, глядеть и видеть все подряд,
все слушать, ни на миг не отдыхая.
Как много нынче в городе ребят.
Они бегут, портфелями махая.
Вот девочка примерная идет
с косичкою, завязанной забавно...
Сегодня начался учебный год.
Он тоже помнит...

Так еще недавно...
Домой из школы!

К маме!

На крыльцо!
Как вкусно пахнут новые тетрадки!
А он недавно видел смерть в лицо.
Бегут из школы дети.

Все в порядке.

Стоять вот так,
                                не думать ни о чем,
но твердо знать по незабытой боли,
что молодым простреленным плечом
он заслонил детей, бегущих к школе.

Сентябрь 1941 г.

ЧУЖОЕ ГОРЕ

Ранние сумерки.

                                Шаркая глухо,
тенью под стенкой проходит старуха.
Плещется в ведрах живая вода.
В этом селе побывала беда.

Как ворвалась она?

                                Днем или ночью?
Кралась ползком или шла напролом?
Хочешь увидеть ее воочию?
Вот замерла она там, за углом.

Ранние сумерки тусклы и хмуры.
Как на ветру не устанут стоять
две человеческие фигуры,
женщина с девочкой,

                                дочка и мать?
Как их настигла случайная поза
и почему они замерли в ней,
словно изваянные из мороза,
на перекрестке печали своей?
Что там стряслось?

                                Погорела ли хата
или добро растащили враги?
Мужа убили, замучили брата?
Старшая, мать, подскажи, помоги.
Что ж ты молчишь?

                                Или вправду не надо
словом тревожить застывшую тишь?

Возле поваленного палисада
стой, как стоишь,
и молчи, как молчишь,
ветру лицо подставляя рябое,
край полушубка в руках теребя.
Горе чужое,

как быть мне с тобою?
Где мне местечко найти для тебя?

Как бы мне сердце раздвинуть пошире,
чтоб беспорядочно в нем поместить
все, чем я только волнуема в мире,
все, что дано мне беречь и любить:
горсточку счастья

и гору страданья,
музыку,

грозы,

дороги,

друзей

и предрассветную дрожь ожидания
скрытых за облаком завтрашних дней.

Все это выживет вместе со мною,
сколько положено.

Я берегу
грудное чувство —
предчувствие боя,
огнеупорную злобу к врагу.

Женщину эту не надо тревожить.

Короток будет нехитрый рассказ.

Ненависть война надо помножить
на пустоту и тоску ее глаз.

Надо надолго запомнить девчонку,
рано привыкшую горько молчать,
синюю худенькую ручонку,
словно навеки обнявшую мать.

Февраль 1942 г.

КАЛУГА

Затоптав орудейную вьюгу
и последние вспышки огня,
наши части входили в Калугу
на рассвете морозного дня.

Голубое, как детский гостинец,
люди небо увидели вдруг.
Шел в строю молодой пехотинец
и глядел изумленно вокруг.

Он глядел, точно видел впервые, —
вот какие они, земляки.
Зипуны, кацавейки худые,
постаревшие бабьи платки.

Вот он весь, в оживленьи, в тревоге, —
на задымленном, сбитом снегу
дорогой городок у дороги,
не отдавшийся в руки врагу.

Все родное, свое, человечье,
защищенное сердцем твоим.
...Он расправил взволнованно плечи,
гордый тем, что остался живым.

Захлебнулся нахлынувшим жаром,
вдруг почувствовал юность свою,
гордый тем, что недаром, недаром
побывал в своем первом бою;

что прошел, головы не склоняя,
не зажмурив мальчишеских глаз;
слышал, как огневая, стальная
смерть над ним пролетала не раз;

видел гибель хорошего друга,
золотого дружка своего,
для того, чтоб такая Калуга
на рассвете встречала его,
чтоб она, розовея спросонок,
улыбалась ему сквозь мороз,
как усталый, притихший ребенок
после горькой обиды и слез.

Январь 1942 г.

ВЕСНА В ЛЕНИНГРАДЕ

I

Нева замерзала тогда,
когда немцы пошли в наступленье,
и всю зиму стонала вода
под невыносимой тяжестью льда,
в слепоте, глухоте и томленьи.
«Как там город любимый живет?»
тосковала вода и не знала,
устоял ли,

дожил ли...

И вот

под напором разгневанных вод
проломился измученный лед,
и Нева Ленинград увидала.

Ленинград, Ленинград, Ленинград!
Да прославится хлеб его черствый,
и безмолвье ослепших громад,
и дыханье крутых баррикад,
и людей непрощающий взгляд,
и сердец возмужавших упорство.

Все, как прежде:

мосты над Невой
тетивою, натянутой туго,

и у штаба боец-часовой,
и балтийца бушлат боевой,
и шальная весенняя вьюга.

И опять отразился в воде,
на высоком ветру не сгорая,
тот костер, разожженный везде,
опаленных в борьбе и в труде,
знаменитых знамен Первомай.

Будь спокойна, родная вода!
Не падет ленинградская слава.
Мы стоим, как стояли всегда.
И Нева покатила тогда
широко, как в былые года,
успокоенно и величаво.

II

В течение этой медленной зимы,
круша ее железные потемки,
«Мы не уступим. Каменные мы»,
ты говорила голосом негромким.

Все уже ядовитое кольцо.
Враг продолжает дальше продвигаться.
И вот в его угрюмое лицо
взглянули, как солдаты, ленинградцы.

О, город без огня и без воды!
Сто двадцать пять блокадных граммов
хлеба,

звериное урчание беды
с безжалостного мертвенного неба.
Стонали камни,

ахали торцы,
но люди жили, находили силы,
а те, что погибали,
как бойцы,
ложились тесно в братские могилы.

И наконец изнемогла зима,
открылись заволоченные дали.
Чернеют разбомбленные дома,
они мертвы, они не устояли.
А мы с тобой выходим на мосты,
и под крылом торжественного мая
волнуешься и радуешься ты,
причины до конца не понимая.
А мы с тобой на облачко глядим,
и ветер нам глаза и губы студит.
А мы с тобой негромко говорим
о том, что было, и о том, что будет.
Мы вырвались из этой длинной тьмы,
прошли через заслоны огневые.
Ты говорила: «Каменные мы». —
Нет,
мы сильнее камня,
мы — живые.

III

Там, где Нева в седой гранит одета,
стоят угрюмо, вод не шевеля,
подобные двум песням недопетым,
два недостроенных военных корабля.

Умолк металл, и замерла работа,
но в неподвижных контурах живет
изогнутая линия полета,
крылатое стремление вперед.

Стальную грудь, стремящуюся к морю,
неумолимый сдерживает трос,
и на закате не играет зорю
от ветра отвернувшийся матрос.

И по ветрам тоскующие снасти,
и борт, томящийся по глубине,

все наше недостроенное счастье
пронзительно напоминают мне.

А по весенней набережной мимо
балтийские проходят моряки,
вдыхают запах дегтя, моря, дыма,
упрямые сжимают кулаки.

Их никакой тоске не успокоить,
им ни в каком пожаре не сгореть.
Они хотят все корабли достроить,
все песни недопетые допеть.

Им можно нанести любые раны,
но их нельзя согнуть и победить.
Переживем и бури и туманы,
и жизнь вернется, и взметнутся краны,
и наше счастье выйдет в океаны,
взяв курс на запад.

Так тому и быть.

IV

Вот опять обстрел артиллерийский.
Это где стреляют, милый друг?
Рвущийся, однообразно-близкий,
в облака укутавшийся звук.

Но не свист летящего металла
вслед за ним,
не грома мертвых тел.
Что-то вдруг светло затрепетало, —
теплый дождь на город налетел.

И его беспечная прохлада
так щедра и сладостна была,
опаленный камень Ленинграда
свежестью забытой обдала.

И смущенно признавались люди,
утерев невольную слезу,

что за грохот вражеских орудий
приняли весеннюю грозу.

Дождик льет, а мы с тобою дома.
Чай заварен, — вот и славно нам.
Позабывтый мирный грохот грома...
Молоточки капель по камням...

Можно камень раздробить на части,
раскрошить железо и свинец,
но нельзя украсть минуту счастья
у людских выносливых сердец.

Мир, глотнувший копоти и дыма,
над твоею злобой и добром
непреклонно и неотвратимо
катится весенний первый гром.

Ленинград. Апрель—май 1942 г.

ИЗ КАЗАНСКОЙ ТЕТРАДИ

I

Предо мной не мерцал горизонт,
обернулась война предо мною
не великой дорогой на фронт,
не полками, готовыми к бою,
и не гибелью в смертном бою,
у бессмертья почти на пороге.

Нет,

взяла она душу мою
и забыла ее на дороге.

И над нею составы прошли,
не давая ей с места подняться,
в едком дыме, в колючей пыли
переходов и эвакуаций.

И в ночи прогремели над ней,
осыпая каменья с откоса,
эшелоны кричащих детей,
потерявших в пути матерей,
сумасшедших теплушек колеса
Санитарные поезда

потащили ее по России.

Города, города, города...

Перелески и рощи босые...

Как морозы твои горячи!

Как дымит твоя синяя вьюга!

Стонут раненые в ночи
дальним голосом давнего друга.

Померещилось ей, что навек
этот путь без конца и начала.

И забыв, что она — человек,
словно птица, душа закричала.

Для того, чтоб услышать в ответ
в свисте этого вьюжного рейса:

— Это тыл.

Здесь опасности нет.

Здесь погибнуть в бою не надейся!
Доживешь.

Доберешься.

Должна.

Как бы ты умереть ни хотела. —
Чтоб, устав, обессилев, она
с той подножки в сугроб полетела.
Поднялась,

огляделась,

пошла,

поползла по кровавому следу
и в себе еще силу нашла
и сказала:

— Я верю в победу.

II

Керосиновой лампы пламень,
подружились с тобою мы.

В почерневшей оконной раме
светлый вечер казанской зимы.
Ходят ходики, шепчутся мыши,
шевелиются мысли мои.

Тихо так, — захоти — и услышишь,
как гремят под Москвой бои.

Я живу за волжской водою.

Подо льдом не шумит вода.

Я когда-то была молодою.

Я не помню уже, когда.

А теперь поминутно старюсь,
и от юности гонит меня
этот маленький рыжий парус
керосинового огня.

III

Разве может быть в мире тише?
Тишиной я оглушена.

Зимним небом прихлопнуты крыши.
Неужели на свете война?
Неба не было.

Только ветки.

Только сучья да провода.
Вдруг из этой нехитрой клетки
мне не вырваться никогда?
Вдруг бессильем сведет мне руки?
Вдруг не вскинуть мне головы?
Нет.

Неправда!

Я слышу звуки
гордой музыки из Москвы.

IV

Речку звали, как ребенка — Воря.
Как она была неглубока!
Никакого там большого моря
даже знать не знала та река.

Но она дала нам столько счастья,
что, когда подумаю о нем,
что-то рвется медленно на части
в сердце притомившемся моем.

Разве можно было счастьем верить,
милый мой, нелепый человек?
Разве можно было счастье мерить
глубиной подмосковных рек?

Стало быть, и можно было, если
в суматохе выходок твоих
на любовь, на музыку, на песни
нам его хватало на двоих.

А когда добрались мы до горя,
очутилась в мире я одна.
А оно темней и глубже моря —
жизнь прожить и не увидеть дна.

Что же возразить могу я горю?
Погоди немного, подожди!
Расскажу ему, как в речку Вору
падали стеклянные дожди.

Расскажу про толстого налима,
что ходил часами у коряг.
Расскажу, как, солнышком палима,
в перелески устремляя шаг,
с песенкой, судьбу двоих решая,
в свете колосющихся хлебов,
обгоняя нас, прошла большая,
мир исколесившая любовь.

Как же горя я не переспорю,
если твердо знаю:

в том бою
ты душою помнил речку Вору,
наше счастье — родину твою.

V

С пульей в сердце
я живу на свете.
Мне еще не скоро умереть.
Снег идет.
Светло.

Играют дети.
Можно плакать,
можно песни петь.

Только петь и плакать я не буду.
В городе живем мы, не в лесу.

Ничего, как есть, не позабуду.
Все, что знаю, в сердце пронесу

Спрашивает снежная, сквозная,
светлая казанская зима:

— Как ты будешь жить?

— Сама не знаю.

— Выживешь?

— Не знаю и сама.

— Как же ты не умерла от пули?

— От конца уже недалеко

я осталась жить.

Не потому ли,

что в далеком камском городке,

там, где полночи светлы от снега,

где лихой мороз берет свое,

начинает говорить и бегать

счастье и бессмертие мое.

— Как же ты не умерла от пули,

выдержала огненный свинец?

— Я осталась жить

не потому ли,

что, когда увидела конец,

частыми, горячими словами

сердце мне успело подсказать,

что смогу когда-нибудь стихами

о таком страдании написать.

— Как же ты не умерла от пули?

Как тебя удар не подкосил?

— Я осталась жить

не потому ли,

что, когда совсем не стало сил,

увидала

с дальних полустанков,

из забитых снегом тупиков:

за горами

движущихся танков,

за лесами

вскинутых штыков

занялся,

забресжил
день победы,
землю осенил своим крылом.

Сквозь свои
и сквозь чужие беды
в этот день пошла я напролом.

Ноябрь—декабрь 1941 г.

МУЗЫКА

Я в комнате той,
на диване промятом,
где пахнет мастикой и кленом сухим,
наполненной музыкой и закатом,
движеньями,
голосом,
шумом твоим.

Я в комнате той,
где смущенно и чинно
стоит у стены, прижимается к ней
чужое, разыгранное пианино,
как маленький памятник жизни твоей.
Всей жизни твоей.

До чего же немного!

Неистовый,
жадный,
земной,
молодой,
ты засветло вышел.
Лежала дорога
по вольному полю,
над ясной водой.
Все музыкой было —
взвивался ли ветер,
плескалась ли рыба,
текла ли вода,
и счастье играло в рожок на рассвете,

и в бубен безжалостный била беда.
И сердце твое грохотало, любило,
и в солнечном дождике смеха и слез
все музыкой было, все музыкой было,
все пело, гремело, летело, рвалось.

И ты,

как присягу,

влюбленно и честно,

почти без дыхания слушал ее.

В победное медное сердце оркестра
как верило бедное сердце твое!

На миг очутиться бы рядом с тобою,
чтоб всей своей силою, нежностью всей
понять и услышать симфонию боя,
последнюю музыку жизни твоей.

Симфония боя меж правдой и ложью,
войны до победы,

борьбы до конца.

Мой милый, какой вдохновенною дрожью,
услышав ее, задрожали сердца.

Она загремела,

святая и злая,

и не было звуков над миром грозней.

И, музыки чище и проще не зная.

ты,

раненный в сердце,

склонился пред ней

навек.

И вот уже больше не будет
ни славы,

ни бед,

ни обид,

ни молвы,

и ласка моя никогда не остудит
горячей, бедовой твоей головы.

Навеки.

Мои опускаются руки.

Мои одинокие руки лежат...
Я в комнате той,
  где последние звуки,
как крылья подстреленной птицы, дрожат.
Я в комнате той,
  у дверей,
  у порога,
у нашего прошлого на краю...

Но ты мне оставил так много, так много:
две вольные жизни, мою и твою.
Но ты мне оставил не жалобу вдовью, —
мою неуступчивую судьбу,
с ее задыханьями,
  жаром,
  любовью,
с ночною тревогой, трубящей в трубу.

Позволь мне остаться такой же,
  такою,
какою ты некогда обнял меня,
готовую в путь,
  непривычной к покою,
как поезда, ждущею встречного дня.
И верить позволь немудреною верой,
что все-таки быть еще счастьем,
  и жить,
как ты научил меня,
  полною мерой,
себя не умея беречь и делить.
Всем сердцем и всем существом в человеке,
страстей и порывов своих не тая,
так жить,
  чтоб остаться достойной навеки
и жизни
  и смерти
  такой, как твоя.

Март 1942 г.

ПРОЩАНИЕ

(Лирический дневник)

I

На кромке боя, на краю огня,
в сыром чаду земляночного быта
поглядывали люди на меня
доверчиво, охотно и открыто.
Мне уступали место за столом,
мне отдавали лучшую посуду,
мне говорили братским языком:
— Садись поближе, милый гость оттуда.

И вглядываясь в ясные черты,
теплом неубывающим согрета,
я все искала, все ждала ответа:
откуда столько щедрой доброты,
откуда столько ласки и привета?..
Но в радостном гостеприимстве том
не укрывалось никакого чуда.
Там, за спиной, остались мир и дом.
Меня любили, — я пришла оттуда.

Когда живешь лицом к лицу с войной
и под огнем хлопочешь у орудий,
ты веришь, что остались за спиной
достойные твоей защиты люди.

И эту веру человек хранит,
как собственную жизнь оберегая,
что только за достойных он стоит
перед врагами на переднем крае.

И среди этих золотых людей,
от их рукопожатий и улыбок
мне стало стыдно многих мелких дней,
моих уступок и моих ошибок.
В металле, что спокойною рукой

сжимает воин, строг и озабочен,
моих детей веселость и покой,
порядок на столе моем рабочем.
Живые люди заслонили нас,
стеною встали на переднем крае,
про собственное счастье забывая.
Об этом нужно помнить каждый час.
Не может быть ни лжи, ни суеты.
Открыты цели, выверены сроки.

Мой милый друг, когда получишь ты
моей рукой написанные строки,
подумай: наша горькая любовь
должна быть человечней и суровой.
И за нее течет родная кровь.
Так будем же достойны этой крови.

II

Когда ты упрекал, а я молчала
с упрямым ощущеньем правоты,
я просто вспоминала все сначала
и потому была сильней, чем ты.
Я вспомнила наш город неметенным.
Ни огонька из-за угрюмых штор.
Тем сумасшедшим вьюжным веретенам
нашелся в нем неслыханный протор.
Здесь жили только занятые делом.
И днем и ночью мчались мимо нас
грузовики, замазанные мелом, —
они на фронте будут через час.
Как долго тут стояли баррикады,
боями недалёкими дыша.
Такой была Москва времен осады.
Такой её запомнила душа.
Мы жили без огня и отопленья
в огромном обезлюдившем доме,
но мы дышали ветром наступленья, —
он не давал замерзнуть никому.

Скрип непреклонной валенной походки.
Мы наступаем!

Солнце и снега.

И нас в морозы горячили сводки,
на запад оттеснявшие врага.
Все дальше, глуше грохот канонады.
Гул нашего мотора с высоты.
Такой была Москва времен осады.
Ее навеки помню я. А ты?..

Давай мы к ней вернемся, как к подножью
той статуи, что лепим и сейчас.
Она крушила все, что было ложно,
и черствой правды требовала с нас.
Такая здесь выковывалась слава,
что те, кто ей желали помогать,
в ту злую зиму не имели права
ни притворяться, ни юлить, ни лгать.
Большое не могло казаться малым.
Для мелких чувств не тратили труда.
Здесь было все испытано металлом,
отмечено зарубкой: навсегда.
Здесь люди человеку были рады,
навек эту радость сохраняя.
Такой была Москва времен осады.
И вот тогда ты полюбил меня.

Северо-западный фронт. 1942 г.

III

Горит в деревне дом.

Недобрый дым
клубится успокоенно и тихо,
и, стоя в красном свете, мы глядим
на человечье глеющее лихо.
Как быстро догорает чей-то дом!
А в нем рождались, вырастали, жили...
С такой надеждой и с таким трудом
для счастья долгого его сложили.

О чем мне плакать?

        Может быть, о том,
что не пришлось мне, покорясь бессилью,
глядеть вот так, как наш с тобою дом
стал красным дымом и горячей пылью.
У нас и дома не было с тобой.
Одна война, один недальний бой.
А время шло.

        Светало.

        Вечерело.

У нас и дома не было с тобой,
ни огонька, ни дыма над трубой...
Так что же это все-таки сгорело?
Сгорело ли?

        Когда б совсем дотла.

Ни вскрика, ни упрека, ни мученья.

Мороз крепчает. Улица светла
от сказочного снежного свеченья.
Но если нету дыма без огня,
огонь без дыма все-таки бывает.
О чем мне плакать?

        Ты любил меня.

А дом в деревне все еще пылает.

Северо-западный фронт. 1942 г.

IV

Если суждена была беда,
если нас такое ожидало,
милый мой, зачем же никогда
мне с тобою скучно не бывало?

Если суждена была беда,
что ж никто из нас ее не видел?
Милый мой, зачем же никогда
ты меня нисколько не обидел?

Если суждена была беда
и не миновала стороною,

милый мой, зачем же никогда
не фальшивил ты передо мною?

Лучше б оказался ты глухим
ко всему, чем я живу на свете.
Лучше б оказался ты плохим.
Лучше б я была за все в ответе.

Где там! Неподкупною зимой,
неуступчивым, нежарким летом
был ты самый лучший, самый мой,
мой по правде перед целым светом.

Что ж я не сумела долюбить
до того, чтоб за день до разлуки
сердце перестало глухо ныть,
расколовшись надвое от муки.

Северо-западный фронт. 1943 г.

V

Уже теплом сырые камни пахнут,
еще ледок по лужицам плывет,
и город так взволнованно распахнут,
как будто он кого-то в гости ждет.

В тот год весна пришла на месяц позже.
Мы не желали заглянуть вперед.
Мы были на год лучше и моложе.
А это очень много — целый год!

Ты помнишь наши первые прогулки?
Судьба, казалось, ими решена.
И в каждом нам открытом переулке
от счастья колыхалась тишина.

Ты помнишь, как открылась перед нами
та улица, вчера еще ничья,
обставленная старыми домами,
наполненная щебетом ручья?

В ней все журчало, пело, суетилось,
замерзнув за ночь, таяло опять
и верило весне.

Скажи на милость,
могли ли мы о будущем гадать?

Могли ли мы в ту пору не поверить
той улице и голосу сердец
и наше счастье меркою измерить,
определив заранее конец?

Мне не людей, — не много было видно
чужим и невнимательным глазам, —
одной лишь доброй улицы мне стыдно.
О, как она сопутствовала нам!

Теперь, наверно, деревце любое,
и каждая труба, и каждый дом
не понимают: что же мы с тобою
замешкались, пропали, не идем?

Как торопилась улица прибраться,
как помнила, ждала, счастливых, нас.
Лишь ей одной придется мне признаться
и все сказать, не подымая глаз.

Авось, поверит.

Столько дел и тягот
у каждого, и каждый о своем.
Хлебнули счастья, стали старше на год.
Не ждите нас. Мы больше не придем.

Март 1943 г.

VI

Был этот день, как перед смертью, чист.
Осенний парк, как в праздник, был наряжен.
Как медный лебедь, плыл кленовый лист,
едва касаясь величавой глади.

И нам с тобой не стоило труда
всем самым благородным в человеке
у старого стоячего пруда
на миг поверить: это все навеки.

Как будто битвы стихли в этот час,
как будто в том же парке на полянке
не выставлены людям напоказ
под Рузой остановленные танки.

Как будто не придется нам с тобой
вернуться к старым чувствам и обетам.
Под Сталинградом продолжался бой.
Парк ЦДКА опять прощался с летом.

Все проходило. Приближался час,
когда погаснут лебеди из меди.
И этот день приблизил на день нас
к морозам, к расставанию, к победе.

VII

Прости мне этот голос телефонный.
Каким он был?

Пустым?

Надменным?

Злым?

Как будто бы не для меня законы,
предписанные женщинам другим.
Но ты не верь.

Я тоже знаю эти
провалы горя, — не увидишь дна.
Бессонницы, — совсем одна на свете.
В отчаяньи и в радости одна.

Я разве что не плачу, а немею
пред тем, кого мне суждено любить.

И если он уходит, не умею
в чужих прихожих за руки ловить.
Ну, на минуту сжалится как будто
А ты дрожишь, покорна и нежна.
Я не хочу!

На что мне та минута,
когда мне вечность целая нужна.
Пускай уходит. Знаю, не забудет
заваленного хворостом огня.
Меня за гордость невзлюбили люди.
За эту гордость ты прости меня.

Мы поделились хлебом и ночлегом.
Тебе ведь было весело со мной?
Прости хоть за Сокольники под снегом,
за улицы московские весной.
Прости меня хоть за скупую просинь
блокадой опоясанного дня,
хотя б за ту ваганьковскую осень,
за клен какой-нибудь прости меня.
Мы поделились счастьем и бедою.
Прости мне твой украденный покой
за то, что мы над старою водою
листву ловили на лету рукой.

Прости за то, чего мне злые люди
не пожелают ни за что простить,
за что меня родная мать осудит
на малый срок, что ей осталось жить.
За все, в чем я перед тобой в ответе,
в чем ты передо мной не виноват.
За то, чего мне собственные дети,
как только станут старше, не простят.
Прости и верь мне: если я не плачу,
какая это гордость, — все всерьез.
Я до поры до времени не трачу
отпущенного мне запаса слез.

Пускай они безжалостней прольются,
пускай наружу хлынет боль моя
в тот ясный день, когда домой вернутся
чужие неубитые мужья.

Март 1913 г.

VIII

Стало в доме просторней и тише.
Жметя к окнам скудеющий свет.
Ты замешкался где-нибудь? Вышел?
Ты воротисься до ночи?

Нет.

Тишина леденит. Даже эхо
не раздастся на выкрик в ответ.
Может быть, ты к закату уехал?
Ты с врагами сражаешься?

Нет.

Может быть, вырываясь из круга
человечьих удушливых бед,
мы с тобой разлюбили друг друга
или скучно нам сделалось?

Нет.

Что же это случилось?

Не знаю.

Как же этому имя?

Молчу.

Может быть, это ложь?

Не желаю!

Это надо понять.

Не хочу!

Не могу.

Наши встречи, как взлеты.

Замирает дыханье...

И вдруг

ты уйдешь.

Остаются заботы.

Все становится слышно вокруг.

Возникает большой, неудобный,
щедр по-царски и скуп, как Кашей,
этот мир, голубой и подробный,
полный запахов, звуков, вещей.

Мозг работает, движутся ноги
и колотится сердце в груди.

Я очнулась на старой дороге.

Мне опять приказали: иди!

Можно жить в непреклонной работе.

Можно верить, что все хорошо.

Можно думать: ты в дальнем полете,
ты на крейсере в море ушел.

Или выдумать сердце и имя.

Будто верный, отважный, прямой
в день победы с друзьями своими,
как на праздник, придешь ты домой.

Так и жить.

Но порой неминучей

я теряю непрочную нить.

Слушай, может, смелее и лучше
это все по-другому решить?

Может — слабость, — не верить упрямо
отчуждению наших сердец?

Может — сила, — негромко и прямо,
беспощадно промолвить: конец.

Март 1943 г.

ПОБЕДИТЕЛИ

РОССИЯ

Ты все та же, что пелась в былинах,
та же хватка, осанка и мощь
в русских плесах, в оранжевых глинах,
в трепетаньи березовых рощ.

Красным солнцем пронзенные дымы,
словно жаркие лисьи хвосты.
И плывут лебединые зимы.
Это все, неизменная, ты.

Притворяться и лгать не умея,
молодая хозяйка в дому,
с каждым днем ты смелей и прямее,
на поклон не пойдешь ни к кому.

И становятся зримей и шире
благородного сердца черты.
Ото всех отличимая в мире,
это ты, неизменная, ты.

В бабьем стане ли, в девичьем пеньи,
горькой боли своей не тая,
подымалась в могучем терпеньи
знаменитая сила твоя.

Выла ль волком, свистела ль по-птичьи,
утирала ли слезы рукой,
сохраняла красу и величье
и какой-то последний покой.

Будто знала: и горе и муки
можно вынести, длинно дыша.

Все осият рабочие руки,
победит молодая душа.

Как на груд, подымалась ты к бою,
чуя верную силу в руке.

И на вольном ветру над тобою
билась русская кровь на древке.

И пред этой негаснущей кровью,
как в степи перед летней грозой,
преклонила ты голову вдовью,
материнской сверкнула слезой.

И встречая нашествие вражье,
в каждом жесте, душе дорогом,
в жарком поле, над волнами пряжи,
в рукопашном бою и на страже
ты все та же, Россия, все та же,
победительница над врагом.

Дер. Градобить. Декабрь 1942 г.

ХОЗЯЙКА

Отклонились мы маленько.
Путь-дороги не видать.
Деревенька Лутовенька,
до войны рукой подать.

Высоки леса Валдая,
по колено крепкий снег.
Нас хозяйка молодая
приютила на ночлег.

Занялась своей работой,
самовар внесла большой,
с напускною неохотой
и открытою душой.

Вот ее обитель в мире.
Невеселый, тусклый быт.

— Сколько деток-то? — Четыре
— А хозяин где? — Убит.

Молвила и замолчала,
и, не опуская глаз,
колыбельку покачала,
села прямо против нас.

Говорила ясность взгляда,
проникавшего до дна:
этой — жалости не надо,
эта — справится одна.

Гордо голову носила,
плавно двигалась она
и ни разу не спросила,
скоро ль кончится война.

Неохоча к пустословью,
не роняя лишних фраз,
может, где-то, бабьей кровью,
знала это лучше нас.

Знала тем спокойным знаньем,
что навек хранит народ, —
вслед за горем и страданьем
облегчение придет.

Чтобы не было иначе,
кровью плачено большой,
потому она не плачет,
устоявшая душой.

Потому она не хочет
пасть под натиском беды.
Мы легли, она хлопочет, —
звон посуды, плеск воды.

Вот и вымыта посуда.
Гасит лампочку она.
А рукой подать отсюда
продолжается война.

Пусть же будет трижды свято
знамя гнева твоего,
родина — вдова солдата,
мать народа моего.

Северо-западный фронт. 1943 г.

ПОВЕДИТЕЛЬ

Вот работка выпала саперу!
Рой землянку знатную, пока
не придется притолока впору
командиру нашего полка.

Как он встанет в огневом тулупе,
как он дверь толкнет крутым плечом,
станет ясно: этот не уступит,
никому не выдаст нипочем.

Нет, такие люди не забыли,
как дошли до ильменского льда.
Отступили, да не уступили.
Да и не уступят никогда.

Немцы скажут: сдали, — плюнь в глаза им.
Скоро потолкуем! Час пробьет!
Вот стоит рачительный хозяин.
Вот он твердо двинулся вперед.

На Руси не вывелась порода
сказочных орлов-богатырей.
Непреклонность нашего народа
навсегда запечатлелась в ней.

Видели, какой хмельною влагой,
темным сокрушительным огнем,

молодой, веселою отвагой
ненависть к врагу вскипает в нем.

Видели, какую нежной силой
светится, горит его лицо
в час, когда своей далекой милой
пишет он в землянке письмецо.

Гимнастерка делается узкой,
будто бы меха под ней, огонь,
если знаменитой песней русской
командир зальется под гармонию.

Ни достатка у него, ни славы,
только вся родимая земля,
лес под Оршей, вишенья Полтавы,
Киева седые тополя.

Ничего он даром не загубит,
каждому кусточку знает счет,
то, чему он верен, то, что любит,
он любой ценой себе вернет.

Верится в победу, в праздник мира,
пусть еще дорога далека,
стоит лишь взглянуть на командира
нашего пехотного полка.

Северс-западный фронт. 1943 г.

РУССКИЙ ЛЕТЧИК

Вскормленный советским добрым хлебом,
ключевою вспоенный водой,
на родной земле, под милым небом
он поднялся, парень молодой.

Переполнен вольной жаждой жизни,
с каждым часом становясь сильней,

все хотел признаться он отчизне
в нежной благодарности своей.

Напоила сердце жаркой кровью,
научила честно, прямо жить.
И решился он своей любовью
родину от гибели укрыть.

Он решил спасти ее величье,
что его высоко вознесло.
И он выбрал сказочное, птичье,
гордое и злое ремесло.

И в жестокий бой, не зная страха,
с братьями родными заодно
вышел парень русского размаха,
Лениным предсказанный давно.

Вопреки громам и непогодам,
не жалея в битве ничего,
воедино слившийся с народом,
с думами и муками его.

Загудел мотор, и взмыл над нами
справедливый, смелый самолет.
Под его широкими крылами
величаво родина живет.

Варится металл, кипит работа,
подрастают дети, хлеб растет,
бой гремит, — великая пехота
в новое сражение идет.

И земля родная, русский летчик,
стуком дорогих тебе сердец
говорит, как дочь, тебе:
— Отец! —
говорит, как мать, тебе:
— Сыночек!

Северо-западный фронт. 1942 г.

ЯСНЫЙ ДЕНЕК

Сегодня день такой, что впору
про все невзгоды позабыть,
катить с ребятами под гору, —
да где салазки раздобыть?

Как веселятся нынче дети,
собаки мчатся им вослед.
Как будто нет войны на свете!
А может быть, и вправду нет?

С беспечным озорством ребенка
за легкой дымкою берез
кричит взволнованно и звонко
веселый, мирный паровоз.

Как будто можно вмиг собраться,
отдать проводнику билет,
на полку верхнюю забраться,
как будто бы войны и нет.

И, как развязка в сказке доброй,
тайник сокровищ и чудес,
снежнобородый, медноребрый
стоит, как терем, старый лес.

Подвески, искорки и блески,
снега кругом подожжены.
Как будто мы еще подростки,
есть праздники и нет войны.

Как будто завтра выходные
и можно в школу не идти...
Приветливые, как родные,
все, кто встречается в пути.

Знакомый почерк на конверте.
Письмо от милой в добрый час.
Живем!

О смерти и бессмертья
никто не думает у нас.

Землянка. Часовой у входа.
Майор глядит из-под руки:
— Какая лётная погода! —
Счастливый путь, штурмовики!

Северо-западный фронт. 1943 г.

АТАКА

Наведенные жерла орудий,
дрожь моторов, готовых в поход,
к автоматам припавшие люди
ждут короткого слова: «Вперед!»

И бойцы улыбнутся друг другу,
услыхав нарастающий гуд.
В небесах по волшебному кругу
штурмовые машины идут.

Пехотинцу в шинельке истертой
вдруг покажется снег горячей.
Он следит за чудесной шестеркой,
мягко щурясь от ярких лучей.

Кровь колотится, сердце взмывает.
Он готов, он пойдет напролом.
Наше небо его защищает
справедливым и сильным крылом.

Встрепенется по первому знаку
молодая от силы душа,
и подымутся люди в атаку,
шумным ветром победы дыша.

Северо-западный фронт. 1943 г.

НОЧЬ В РАЗВЕДКЕ

Не споткнуться, не задеть бы ветку
Где согнувшись, где совсем ползком,
мы идем в задание, в разведку.
Мы должны вернуться с «языком».

Разве я боюсь чего? Нимало!
Милая, ты знаешь, я не трус.
Ты в письме последнем написала...
Я перечитаю, как вернусь.

Милая!

Но эту память тоже
должен я до завтра отложить.
До утра.

До этой ночи дожил.
Доживу до завтра. Буду жить.
Завтра будет солнечно и ярко.
Мы вернемся и затопим печь.
Сразу станет весело и жарко,
и на койку можно будет лечь.
Постелю на сеник плащ-палатку.
Ветер песню запоеет в трубе...
И тогда я стану по порядку
вспоминать о доме, о тебе...
О хорошем... Золотая дрема
голову закружит... А пока
нет на свете ни любви, ни дома —
есть приказ доставить «языка».
Есть одна задача и забота,
путь один, один исход пути.
Мы лежим у вражеского дзота,
за кустами, метрах в десяти.
К бою приготовлены гранаты.
Мы готовы ринуться вперед

Щелкнул старший спуском автомата,
и гранаты полетели в дзот.
А потом мы прыгали в траншею.
Я его свалил с размаху с ног,
ухватил за жилистую шею,
рот заткнул и наверх поволок.
Выбрались! На правильной дороге.
Что-то жжет. Поранена ладонь.
Двадцать пулеметов по тревоге
начали неистовый огонь.
Ничего, не страшно! Наши близко.
Мы ракету красную даем.
Прокатился залп артиллерийский,
заслоняя нас своим огнем.
Каждая сосёнка нам знакома.
Под прикрытьем нашего огня
вот мы и вернулись, вот и дома.
Что же ты боялась за меня?
Нам теперь и море по колено!
Нам теперь по силе равных нет!
Спотыкается контрольный пленный,
и дымится по лесу рассвет.

Северо-западный фронт. 1943

НАСТУПЛЕНИЕ

Когда, соединясь в одном ударе,
из города мы выгоняли их,
он был одним из первых, этот парень,
не очень-то отличный от других.
Он задышался, он кричал, влекомый
на всем пространстве трудного пути
одним порывом: в город незнакомый
в рядах освободителей войти.
Ворвались в школу. Тут был штаб немецкий.
Столы раскрыты, папки, ключья карт...
А этот парень вдруг уснул по-детски,
в холодном классе, на обломках парт.

Уже гудели звуковые волны,
и диктор, стоя где-то возле нас,
волнения бесхитростного полный,
в который раз читал «В последний час».

И в южный город, взятый на рассвете,
железным ветром Ильмена дыша,
другой парнишка на своем планшете
уже писал письмо при слабом свете,
грызя тупой конец карандаша.
И лампочка коптила, догорая,
и забывались нужные слова...
Как пишут письма?

«Мама! дорогая!

Мне только бы узнать, что ты жива».

Успел ли он сложить свои тетрадки?
Прошла команда, и поднялся взвод.
В ночном бою, в короткой жаркой схватке
парнишка с юга, торопясь вперед,
ворвался в пункт, не названный на карте,
в селение на северной реке,
где вырос тот, который спит на парте
в освобожденном южном городке.

Январь 1943 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

И только лишь забрезжило, с разлета,
не дав еще опомниться врагу,
ворвалась в Ржев советская пехота,
переводя дыханье на бегу.
И как хозяин, очутившись дома,
найдет ступеньку в сумраке ночном,
бежали люди к зданию горкома,
почуяв без ошибки этот дом.
Откуда только тот парнишка взялся,
который, сбросив наземь свой тулуп,

вдоль снежных стен, обледенелых труб,
по узкому карнизу пробирался?
Кто дал ему приказ?

И вот над нами,
багряное на небе голубом,
захлопало, закологилось знамя
свободным, торжествующим крылом.

И вот тогда, неведомо откуда,
законных предпосылок лишена,
невидимая, чистая, как чудо,
пошла, пошла на город тишина.

И даже наши хлопцы присмирели,
как чей-то сон, оберегая тишь.

И вдруг неторопливые капли
закапали с весенних сбитых крыш.

Как будто человек, лишенный вольной воли
ни в чем невинный, свой великий гнев,
тоску и муку прятал поневоле,
на долгие года оцпенев.

И, вырвавшись из каменного мрака,
у входа в мир, как в детстве голубой,
застыл на миг,

и дрогнул,

и заплакал,

свободу увидав перед собой.

Февраль 1932 г.

ПОЛЕТ

Когда пилот подымет в кабину,
в последний раз проверит пулемет,
вглядится в даль, тяжелую машину
готовясь мягко вынести в полет,
что помнит он, крылатый человек,
взмывая ввысь по синему маршруту?
Пусть женщина простит его навек,
но он о ней не помнит в ту минуту.

Ни милых сердцу, ни вещей, ни книг.
Всё по-иному. Кровь иначе бьется.
Земное все далеко станет вмиг,
как от земли машина оторвется.

Спокойных крыльев величавый взмах,
твои сосредоточенные плечи...
И не штурвал, — а жизнь в твоих руках.
А это только руки человечьи.

Но в них сейчас таинственная власть.
Но в них сейчас твоя судьба и слава.
Маршрут указан точно, — ни упасть,
ни повернуть ты не имеешь права.

Твой самолет до цели долетит
и встретится с врагом в бою открытом.
Но если враг тобой не будет сбит,
то этот враг тебя увидит сбитым.

Ты понимаешь: так летят на бой
бесстрастную дорогой голубою,
земное все оставив за собой,
владея, как машиною, собою.

Не сомневаясь в том, что будут жить,
о гибели не помянув ни разу,
вернуться, командиру доложить:
— Все сделано по вашему приказу.

Ну, вот и все.

Как только колесо
коснется вновь земли аэродрома,
встряхнется летчик, сразу вспомнит все.
Он — человек, он — на земле, он — дома.

Его послали. Он пошел, и смог
и целым воротился из полета.

Щенок мохнатый вьется у сапог,
и солнечно, и очень есть охота.

Давай сюда законные сто грамм!
А хлеб хорош!

Ломай его руками!
И человек живет, не помня сам,
каким другим он был под облаками.

Как он владел холодной высотой?
Как он глядел в глаза врагу и смерти?
В землянке есть письмо от золотой, —
любимое дыхание в конверте.

В землянке жарко, мирно, хорошо.
Беседа с другом, перекурка, отдых...
Полет сегодня здóрово прошел.
Другого и не мыслил ты исхода.

Мне кажется, я поняла секрет
того неуловимого в полете,
что есть залог успехов и побед
в бою с врагом, как и в другой работе.

Глядеть на солнце, щурясь от лучей,
легко владеть своей земною силой
и жить легко среди милых мелочей,
доверясь жизни будничной и милой.

И в свой железный, неподкупный час,
в минуту взлета быть самим собою,
лететь в свой труд, от жизни отрешась,
готовым и к бессмертию и к бою.

Москва Февраль 1943 г.

Цена 1 р. 50 к.